

«Через два года будет столетний юбилей Марины Цветаевой. Она — самый мне близкий поэт, я любила ее, когда еще почти никто ее и не знал, и не читал. Это сейчас она «в моде», что истинных ценителей вовсе не радует, а иногда бесит. Так вот о предстоящем юбилее. Я его боюсь. Столько нанесут вздора, межуарного, литературоведческого! И эта участь постигает всех великих. Охотников копать в грязном белье — тьма. Ваша газета тоже не без греха — вспомните, как вы «подавали» скандал со строительством

дома Владимира Высоцкого и Марины Влади. Зачем ТАКОЕ делать достойным гласности?

Любят к стати и нестати цитировать Ахматову: «Когда б вы знали, из какого сора растут стихи, не ведая стыда...» Но когда стихи УЖЕ выросли, и вот они, перед нами, зачем же обращаться не к ним, а к сору? Копаться, смаковать? Хочется крикнуть: прекратите!»

Л. ВДОВИНА.

АРХАНГЕЛЬСК.

Сов. Культура. — 1990. — 17 февр. — с. 6

Запятнать не может

Это письмо мы прочитали автору книги «Марина Цветаева. Страницы жизни и творчества» Анне Александровне СААКЯНЦ.

— Я тоже, как ни странно, со страхом жду столетия Цветаевой. В юбилейной волне всегда много «пены». Ахматову в аналогичном случае обильно полили елеем, а Цветаевой, думаю, не поздоровится — такая многогранная, подлинно шекспировская и по величине, и по накалу страстей натура. К сожалению, она очень привлекательна, «вкусна» для вульгарных, обывательских, досужных толков.

Но тем не менее вряд ли возможно остановить поток. Чем крупнее фигура, тем больше интерес ко всем сторонам ее жизни. Вспомним, как расклевывался «маятник» суждений о Наталье Николаевне Гончаровой — то ангел, то чуть ли не злой гений. Не вправе мы судить, неужто не понятно? И та, и другая крайность — неуважение к Пушкину.

— В последнем номере «Иностранной литературы» за прошлый год — главы из книги французского автора «Агенты Москвы» о К. Родзевиче. Сенсационное разоблачение, журнал нарахвал.

— Меня это огорчает. Да, современники нелестно отзывались о Родзевиче, но почему бы нам не взглянуть на него глазами поэта? Два знаменитых произведения — «Поэмы Горы» и «Поэма Конца» — вдохновлены именно этим, не другим человеком. Исследуй, рассказывай, если есть факты. Но не суди!

— Эта грань тонкая, на ней трудно удержаться...

— А мне представляется — все очень ясно. Вопрос, грубо говоря, копать в личной жизни великого человека или не копать, — праздный. Вот заявляют: мне это не надо! Мне достаточно

знать одно только творчество. (В недавней «Литературке» — спор вокруг биографической повести о В. Шукшине. И там тоже письмо «Не приемлю сплетен»: не читала, мол, не хочу и не буду, и опять о любителях ворошить «белье». Почему «белье»? Я на это вот что отвечаю. Вам — не надо. А мне — надо. Я изучаю и творчество, и жизнь, и личность и должна досконально знать и то, и другое, и третье (если это вообще можно разделить). И уверена, что не оскорбляю этим художника.

— В письме из Архангельска проскальзывает такой мотив: мы, избранные, любили Цветаеву высокой любовью, а теперь набежала «массовка» и все ополлила. Но я не думаю, чтобы эти избранные действительно ограничивались лишь поэзией и начисто не интересовались поэтом — противоестественно ведь!

— Да, пожалуй. Мне знаком этот взгляд: мы все читали (и должны, и можем!), а вот прочие — не досрости. К стати, и в издательском деле такие «посвященные» есть. Всех посвящать они не спешили. И начинались разговоры. «Нет, это вы из рукописи должны исключить, это вы потом когда-нибудь напечатаете, более узким тиражом». Но и при малом тираже книга может попасть в невежественные, грубые руки. Вообще бескультуре — наш бич. Но умолчаниями, полуправдой уровень культуры не повысить.

— А как сама Марина Ивановна на это смотрела?

— Она и здесь сложна, противоречива. Провозгла-

шала, что не надо углубляться в личную жизнь поэта, а между тем в «Истории одного посвящения» — и не только там — рассказала о Мандельштаме много личного, даже интимного.

— Вы много лет отдали изучению Цветаевой. Нашей газете ближе разговор о сценической, изобразительной (кинематографической, по-моему, еще нет) интерпретации цветаевской темы.

— Я совершенно не приняла «Федру» в Театре на Таганке. Цветаева невероятно требовательно относилась к слову, в поисках самого точного проделала огромную работу (сохранились тетради черновиков). А ее текст постановщику оказался... не нужен! Он разорван на какие-то бессвязные, бессмысленные выкрики. Слово уничтожено. Зачем?

Спектакль у вахтанговцев «Три возраста Казановы» мне показался более близким к первоисточнику. Он решен в духе традиционного театра — с декорациями, музыкой, костюмами. А Марине Ивановне хотелось, очень хотелось, чтобы у ее драматургии было сценическое воплощение, она по-своему старалась: все ремарки продуманы и даже детали, например, камзол Казановы, тщательно описаны.

— Но это пьесы Цветаевой. А сама она, ее образ?

— Только что мне, можно сказать, довелось увидеть первую попытку. Народный театр поэзии из Иваново (он носит имя В. Высоцкого) показал в столице моноспектакль (режиссер Р. Гринберг, исполнительница Н. Романова), который произвел на меня глубокое впечатление, а я — зритель искушенный. И еще должна сказать о своей любимой актрисе Антонине Кузнецовой.

Я среди чтецов никого не знаю, кто бы так проникал в сердцевину материала. Если она берется за декабристов — она сидит в библиотеках, она едет на место события — представляет, так изучила маршрут, по которому шли полки на Сенатскую площадь, что нашла неточность у специалистов-историков. Цветаеву она знает почти, как я. Но

у меня-то — одна Цветаева, а у нее — и Герцен, и «Фавуст», и новая программа — Пастернак.

— У вас нет по этому поводу ревности? «Цветаева — моя, и никому не отдам...»

— Ну, что вы, конечно, нет! Наоборот, я радуюсь, когда талантливые люди прикасаются к гениальной поэзии. Смотрела на ту же Надежду Романову — красивую, гармоничную и думала: как замечательно, что молодежь, даже та, что, может быть, впервые услышит эти строки, будет представлять Цветаеву именно такой! А в спектакле, между прочим, много открытости, обнаженной страсти, той самой «личной жизни», о которой мы сегодня беседуем. Но все — с безупречным тактом, вот в чем ключ к проблеме. Полная правда, ничего, кроме правды. Но надо уметь ее сказать.

Для исследователя основа — документ. Если нет документа, а есть, допустим, только свидетельство современников — пожалуйста, сопоставляй их, дополняй одно другим, подключай интуицию, но — никаких домыслов! — А где — домысел, а где — интуитивная догадка? Как различить?

— Один пример. (Подробнее об этом будет в книге, которую скоро сдаю в издательство). У Цветаевой была поэма о царской семье. Известие о расстреле всех Романовых, включая наследника — больного ребенка, она пережила тяжело. И спустя годы, в эмиграции, мучительно, с перерывами, писала свою поэму. Текст не сохранился. Пытаться «реставрировать» его — это был бы домысел. А вот пытаться догадаться о ее содержании мы можем. Я сделала так: прочитала всю литературу, которая на эту тему вышла

к 1929 году и которую не могла не читать Марина Ивановна. Кроме того, известно свидетельство современника, которому поручено было слушать эту вещь в авторском исполнении. Он вспоминает: Цветаева сама сказала, что задумала поэму как ответ В. Маяковскому, его стихотворению «Император» («...корону можно у нас по-

лучить, но только вместе с шахтой»). А я еще считаю, что сыграла роль и книга Мандельштама «Шум времени» с ее ироническим тоном по отношению к старой России, к поверженным. Цветаеву это возмутило. И вот теперь свои выводы, гипотезы я и выскажу в книге.

— И вот еще один ракурс нашего деликатного вопроса: выступая публично, давая отпор домыслам, не служите ли вы их дальнейшему распространению?

— Нет. Если это произошло — моя вина. Мое дело было — донести до слушателя правду. Значит, я не сумела так сказать правду, чтобы и авторов сплетен опозорить, и на светлое имя поэта тени не бросить.

Многократно цитируют пушкинское высказывание о поэте и толпе, которая его судит: «он мал, как мы, он мерзок, как мы! Врете, подлецы: он и мал, и мерзок — не так, как вы, — иначе». Задача же исследователя, популяризатора, биографа — показать художника и человеком, как все, и его отличие от всех, это самое пушкинское «иначе». Вот я написала в книге, что Цветаева, оставшись одна с двумя дочками в голодной Москве, очень нуждаясь, вдруг бросила службу. Мать, не думающая, что дети могут погибнуть (младшая Ирина и погибла — от истощения)! Это же в голове не помещается! Но что же делать — ну, не могла она служить. Не могла. Это не просто мать, это — Цветаева. С ее трагедией, с ее, повторяю, шекспировской натурой. Итак, мое мнение: полная правда, и не опасаться кривотолков. Великого художника ничто запятнать не может.

Беседу вела
Г. УЖОВА.